

У зла много имен: *џавол*, *натемаго*, *даескраја*
(к вопросу о македонских демононимах)

© 2024 г. Е.В. Верижникова^{1, *}, А.И. Чиварзина^{2, **}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

²Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

*eluska@mail.ru

**mss-vah@yandex.ru

Аннотация. По христианским и околехристианским народным представлениям, дьявол является воплощением зла и причиной несчастий в мире, а потому его имя подлежит табуированию. Материал македонских сказок, апокрифических легенд и быличек содержит многочисленные эвфемизмы, которые используются в качестве его номинаций. Помимо собственных и заимствованных (*враг*, *бес*, *сотона*, *џавол* и др.), а также метафорических народных атрибутивов (*рогатиот*, *куциот*, *едноногиот*, *нечестивиот*, *црвениот* и др.), среди моделей номинации встречаются и сращения, восходящие к формулам проклятия и оберега (*натемаго*, *даескрајата*). В статье рассматриваются обозначения дьявола в македонском языке, а также происхождение демононимов, трансформация их значений и функционирование в современном узусе.

Ключевые слова: этнолингвистика, народная демонология, македонский язык, демононимы, фразеология и паремиология, дьявол.

Ссылка для цитирования: Верижникова Е.В., Чиварзина А.И. У зла много имен: *џавол*, *натемаго*, *даескраја* (к вопросу о македонских демононимах) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 34–52. DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH

Evil has Many Names: *Davol*, *Natemago*, *Dajeskraja*
(On the Issue of Macedonian Demononyms)

© 2024. Elena V. Verizhnikova^{1, *}, Alexandra I. Chivarzina^{2, **}

¹Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

²Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

*eluska@mail.ru

**mss-vah@yandex.ru

Abstract. According to the Christian and folk religious beliefs, the devil is the embodiment of evil and the cause of misery in the world, and therefore his name is subject to

taboo. The material from Macedonian fairy tales, folk narratives and Christian legends testifies to the numerous euphemisms that are used in this meaning. In addition to proper names and borrowed nominations (*vrag*, *bes*; *sotona*, *davol* etc.), as well as figurative folk attributes (*rogatjot*, *kuciot*, *ednonogjot*, *nečestivjot*, *crvenjot* etc.), among the nomination models there are also examples of word fusion that go back to the formulas of curse and verbal amulet (*natemago*, *daeskrajata*). This article considers the designations of devil in the Macedonian language, the stages of the origin of demononyms, the transformation of their meanings and functioning in contemporary Macedonian usage.

Keywords: ethnolinguistics, folk demonology, Macedonian language, demononyms, phraseology and paremiology, devil.

For citation: Elena V. Verizhnikova, Alexandra I. Chivarzina. Evil has Many Names: *Davol*, *Natemago*, *Dajeskrajata* (On the Issue of Macedonian Demononyms) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 6. P. 34–52. DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH

В македонском языке, как и во всех славянских, зарегистрировано большое количество наименований дьявола / черта, различных по происхождению, способу номинации, широте употребления, словообразовательной модели, потенциалу полисемии, и т.д. Причины множественности номинаций очевидны: древность и многослойность образа, его семантика, обуславливающая эвфимизацию. Персонаж – продукт взаимодействия «церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителя абсолютного зла, и архаических народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве. В народной демонологии трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [Березович, Виноградова 2012, 519].

Образу дьявола у восточных и южных славян посвящена обширная научная культурологическая и этнолингвистическая литература (см. [Толстой 1995; Успенский 2012 и др.])¹. Предметом же нашего интереса являются прежде всего названия и имена персонажа, поэтому вкратце напомним лишь основные его характеристики, существенные для его номинаций.

Основным наименованием является лексема *ѓавол*. Заимствование давно освоено и функционирует и в богословских сочинениях, и в фольклорных текстах. В македонском, как и в других южнославянских языках, отсутствует лексема, восходящая к праслав. *ььръ, представленная в западно- и восточнославянских². Лексемой *ѓавол* может обозначаться как восставший против Бога ангел, царь ада и повелитель темных сил, так и многочисленные бесы и всевозможные хтонические существа. *Ѓавол* также – олицетворение и источник мирового зла, вредоносная и злокозненная сила, противостоящая добру в лице Бога или ангела. Это и источник человеческих бед, и, по выражению С.С. Аверинцева, космический провокатор, подстрекатель и соблазнитель, толкающий на путь греха [Аверинцев 1992, 412]. Македонские народные тексты (пословицы, поговорки, сказки и т.д.) иллюстрируют комплексность и противоречивость

¹ Так, например, образ, функции, наименования черта в восточнославянских языках, и в частности в Полесье, подробно рассмотрены в отдельной главе фундаментального труда по Полесской демонологии Л.Н. Виноградовой и Е.Е. Левкиевской [Виноградова, Левкиевская 2019], на южнославянском материале – в статьях Л. Раденковича [Раденкович 2011, 2014], на македонском – в книге по македонской демонологии Т. Вражиновского [Вражиновски 1998 1, 231–236].

² «Наблюдения над славянским материалом при поддержке общих наблюдений над универсальной тенденцией уклончивого называния нечистой силы позволяют толковать слав. *ььръ как инновацию праслав. времени, охватившую зап.- и вост.-слав. языки, но не охватившую ю.-слав.» [ЭССЯ 4, 165].

семантики образа, воплощающего в том числе наивные представления о природе зла вообще как характеристике бытия (зло как несчастье): «Ѓаволот ги има замешано прстите» (Дьявол руку (букв. 'пальцы') приложил).

Зло противостоит добру на всех уровнях: высшем, ангельском, и человеческом: «Еден чоек што не оди по Бога, тој ќе оди по ѓаола» (Тот, кто не идет за Богом, идет за дьяволом); «На чело Ристоса, в пазва ѓаоли» (На челе Христос, а за пазухой черти); «На правјот анѓелот, а на кривјот ѓаолот му поможивит» (Правому ангел, а виноватому дьявол помогает); «Пред тебе светец, зад тебе ѓаол» (В лицо глядит святым, а за спиной — дьяволом оборачивается)³ Следование за дьяволом может представляться как сознательный выбор человека одной из сторон дихотомии добро/зло, что отражается в паремиях: «Се збратими со ѓаволот» (Побратался с дьяволом); «Се сврти кон ѓаволот» (Повернулся в сторону дьявола); «Се фатил со ѓаволот под рака» (Взялся с дьяволом под руку); «Со ѓаволот е ортак» (Он дьяволу напарник); «Трагата на ѓаволот не се гледа, а многумина одат по неа» (Дьявольского следа не видно, но многие по нему идут)⁴, «Биди му на ѓаволот другар, ако сакаш да те турне в бунар» (букв. Дружи с дьяволом, если хочешь, чтобы он тебя сбросил в колодец)⁵.

В то же время, зло выступает как иррациональная сила, помимо воли толкающая человека на совершение неблагоприятных поступков: «Го дупна ѓаволот. Ѓаволот го надупи (натера)» (Черт его дернул); «Го зеде ѓаволот. Го зедоа (зеле) ѓаволите» (Его черт / черти взяли в оборот, с толкованием: Стал вести себя как не следует, встал на дурной путь)⁶.

Дьявол может завладеть человеком (конкретным индивидом или всем родом человеческим), стать его временной или постоянной составляющей. «Му влегол ѓаволот <во умот>. Му влегол ѓаволот под капа. Му влегол ѓаволот под кожа» (Черт вселился <в голову> / под шапку / под кожу)⁷. В фольклоре находим сюжеты, как дьявол становится неотъемлемой частью человеческой природы через съеденное: например, в сказке «Човекот што ја изеде ќерка му од ѓаолот како јаболко» (Человек, который съел дочь дьявола в виде яблока)⁸, здесь очевидна связь с историей грехопадения.

Интересно, что в рамках известного феномена, пословичной «полемики», когда одно и то же может в одной паремии утверждаться, в другой отрицаться, а в третьей оказываться одинаково верным или неверным [Мечковская 1998, 60; Пермяков 1970, 25]⁹, дьявол с одной стороны — виновник всех бед и скверных поступков человека, а с другой — не во всех грехах и глупостях виноват он: «Ѓаволот ли ја научи бабата да се качи на дрен и да падне?» (Разве черт подговори старуху залезть на кизилевое дерево и упасть с него?).

1. Основные номинации: ѓавол, враг, бес, сатана / сотона

1.1. ѓавол

Основным и универсальным наименованием дьявола в македонском языке выступает *ѓавол* от греч. διάβολος (нар. *ѓаол*, орф. варианты в докодификационных записях и публикациях македонских фольклорных и поучительных

³ ГМ.

⁴ ФРМЈ I, 311; БВ, 205.

⁵ БВ, 31.

⁶ ФРМЈ I, 306.

⁷ ФРМЈ I, 309.

⁸ СБНУ I, 98; МЦ 4, 221–223.

⁹ БВ, 60.

текстов: *гъавол*, *гъаол*, *дявол*, *дѣаволъ*, *дѣаволъ*, *дјавол*). О широком употреблении лексемы свидетельствуют материалы М. Цепенкова, К. Шапкарева, Т. Вражинского, дидактические тексты И. Кырчовского [Крчовски 1974] и К. Пейчиновича [Пейчинович 1816], произведения современной македонской литературы. Именно это наименование чаще всего встречается в пословицах, поговорках и проклятиях: «Тука се крие *ѓаволот*» (Вот где собака зарыта, букв. Здесь-то и кроется дьявол); «Пукна *ѓаволот*» (Дело пошло на лад, букв. лопнул дьявол); «*Ѓавол* да го носи (земе)» (Черт бы его побрал); «По *ѓаволите*» (К чертям!); «*Ѓаволот* ни ора, ни копа (само бели прави / само ги учи луѓето да се нејкат)» (Дьявол не пашет, не копает, а только пакости делает / учит людей ненавидеть друг друга), т.е. зло не дремлет, беда всегда подстерегает человека¹⁰.

Лексема выступает как нарицательное существительное, обычно пишется с прописной буквы, при необходимости снабжается артиклем, употребляется и во множественном числе.

Словари македонского языка указывают для слова *ѓавол* два¹¹, три¹² и пять¹³ значений: авторы первых трех объединяют переносные значения в одно, а З. Мургоски не только их разделяет, но и различает религиозное и наивное представление: «*ѓавол* м. 1. (во христијанската, муслиманската и еврејската религија) дух, врховно олицетворение на зло; сатана. 2. лош дух; демон» (1. (в христианстве, мусульманстве и иудаизме) дух, верховное олицетворение зла; сатана. 2. злой дух; демон)¹⁴.

У слова отмечаются переносные значения (правда, не все словари снабжают их соответствующей пометой): ‘коварный, злой, безжалостный человек’ («Пази Боже од крстен *ѓаол*» (Сохрани, Боже, от крещеного дьявола))¹⁵ и ‘изворотливый человек, хитрец, шельма, бестия’: «Сиромав *човек* — *жив ѓавол*» (Бедный человек — сущий дьявол), т.е. бедняк выкрутится в любой ситуации (ср. рус. «Голь на выдумки хитра»). Представляется, что не следует объединять эти значения, поскольку основания семантической деривации различны, они базируются на разных свойствах референта, точнее, на разных характеристиках концепта. Первая связана с существенным признаком, отраженным в толковании лексемы: злой, вредоносный. Второе же базируется на коннотациях¹⁶. В РМЈсхт все переносные значения толкуются как переносное — *како ѓавол* ‘как черт’¹⁷.

¹⁰ФРМЈ I, 305–312; БВ, 60.

¹¹РМЈсхт I, РМНП II, ТРМЈ I.

¹²DRMJ.

¹³ЗМ.

¹⁴ЗМ, 173.

¹⁵ГМ.

¹⁶ Под коннотацией мы, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимаем «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него»; «коннотации характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах или сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других» [Апресян 1995, II, 159, 163]. Ю.Д. Апресян обращает внимание на компаративность как на первое и главное внутриязыковое свойство коннотаций [Там же, 169].

¹⁷РМЈсхт, I, 161.

Между тем не все коннотации, связанные с рассматриваемым персонажем, негативные. Мы видели выше, что среди них есть положительно оцениваемые признаки ‘изворотливый, находчивый, ловкий, шустрый’ и даже ‘шутник’¹⁸: «Ит’р како некој гаол» (Хитрый как черт). Такие коннотации нашли выражение и в переносном значении диминутива *ѓаволче* ‘бесенок, озорник, проказник, егоза’, обычно о маленьких детях, но нередко и применительно к обольстительной, кокетливой, лукавой девушке.

У слова *ѓавол* большое словообразовательное гнездо (до 23 производных). Часть слов семантически мотивирована основным значением (*ѓаволски*, *ѓаволов*, *ѓаволка*), но немалая часть восходит к переносному значению «бесенок, егоза» (*ѓаволест*, *ѓаволит*, *ѓаволица*, *ѓаволишина*, *зѓаволи*), некоторые имеют оба, прямое и переносное, значения (*ѓаволи* глагол НСВ).

Как и в других языках, в македонском лексема *ѓавол* и содержащие ее выражения употребляются в бранной функции: «Ѓавол нека го земе» (Пусть идет к черту) — междометизация проклятия, сохранение эмотивной функции при снятии магической.

1.2. враг; бес

В македонском языке тот же референт может обозначаться лексемами славянского происхождения *враг* < **vorgъ*¹⁹ и *бес* < **běsъ*²⁰. Оба слова, помимо обозначения нечистой силы, имеют еще, как минимум, по одному значению: ‘враг, недруг’ и ‘ярость, злоба, бешенство’ соответственно. Однако представляется, что направление развития семантики этих слов противоположно.

1.2.1. враг

В старославянских памятниках фиксируются оба значения для **ВРАГЪ**, при этом исходным, по-видимому, следует считать значение ‘враг’, а производным, эвфемистическим, ‘дьявол’:

ВРАГЪ <...> враг *perŕitel*: възлюбиши подруга своего • ѓ възненавидиши врагы своя *Mm 5, 43 Зо҃р*, врага своего *Мар Асс Сав*; <...> • *перен. о дьяволе*: прѣскврѣньныи бо врагъ родоу члѣовѣчѣскоу *Супр 519, 16*²¹.

В качестве первичного в старославянском языке это значение указывает П. Скок²², С. Поп-Атанасова и В. Костовска в словаре поэтических произведений Климента Охридского²³.

В современном языке значение ‘враг’ является редким, используются синонимы *неприѓател*, *противник*, *душман*. Хотя все словари²⁴ приводят его как второе, не снабжая стилистической пометой, с нашей точки зрения значение следовало бы охарактеризовать как устаревшее или уходящее²⁵. Это значение у слова можно обнаружить в произведениях учившихся в России К. Миладинова, К.П. Мисиркова, а также в текстах 1940-х годов, под влиянием русского и/или болгарского языка²⁶ [Чундева 2017, 241]. Показательно, что в словаре македонской народной поэзии это значение не фиксируется²⁷.

¹⁸ DRMJ.

¹⁹ БЕР 1, 178–179.

²⁰ ЭССЯ 2, 89–91.

²¹ СтелС, 122.

²² Skok 3, 617.

²³ ЛптКО, 96–97.

²⁴ РМЈсхт, ТРМЈ, ЗМ, DRMJ.

²⁵ О характеристике и помете *уходящее* [Апресян и др. 1995, 74–75].

²⁶ Поиск осуществлялся по лемме *враг* [DRMJ, дата обращения: 14.12.22].

²⁷ РМНП 1, 312.

Наряду с *ѓвол* / *ѓаол*, хотя и реже, *враг* встречается в поговорках: «Кoj ојт по бога, викат до бога; koj ојт по врага, живејт ко ага» (букв. Кто ходит Божьим путем — к Богу взывает; кто ходит чертовой дорогой — живет как богач); «Не дава на Бога сус прсте, дава на врага сус грсте» (букв. Не дает Богу и с палец, черту же дает горстью); «Ни богу темјан, ни врагу колач» (Ни Богу свечка, ни черту кочерга, букв. Ни Богу ладан, ни черту калач); в проклятии «Да го носи врагот» (Черт его поberi).

Часто в рамках одной поговорки можно обнаружить «противопоставление» двух синонимичных лексем: «Бегал од ѓаолот, паднал на врагот» (Из огня — да в полымя, букв. Убегал от дьявола, попал к черту); «Го остајл ѓаолот, се нашол со врагот» (букв. Оставил дьявола, встретился с чертом); «Не би ѓаол ами враг» (Один черт)²⁸.

Как полные синонимы употребляются лексемы *ѓаол* и *враг* в охридской сказке «Влахот и врагот (ѓаолот)» в записи К. Шапкарева:

«Ѓаолот іаѓосан за измѓмата, нѓгу се нѓлутил на орѓака си приѓателя. Тога Влѓот му рѓкол: аіде годинѓава да посѓдѓме дрѓго нѓшѓо, та ти зѓми корѓњата, а іас зѓмам вѓрѓѓѓте. Врѓгот се стѓрил кѓйл, та посѓале жѓто. Кога уздрѓало жѓтото, Влѓот, спрѓти збѓрот, шѓо си стѓриле пѓна-пред, зѓл вѓрѓѓте, — иклѓсѓето, сѓмото жѓто, а ѓѓаолот — корѓњата» (Раздосадованный обманом, дьявол страшно разозлился на своего друга напарника. Тогда влах (арумын) сказал ему: «Давай на этот год посадим что-нибудь другое, теперь ты возмешь корешки, а я вершки». Черт согласился, посеяли они пшеницу. Когда созрела пшеница, влах, как и договорились, взял вершки — колосья, само зерно, а дьявол — корешки)²⁹.

Кроме того, у лексемы *враг*, как и у *ѓвол*, фиксируется значение: ‘ловкий, находчивый, остроумный, проказливый’. У деривата *враговиштина* отмечено значение: *итрина, лукавство* ‘хитрость, лукавство’³⁰, а в качестве иллюстраций к глаголам *врагува* и *заврагува* — «се однесува итро, лукаво, се палави» (хитрить, лукавить, баловаться) — **приводится** пример: «Децата заврагуваа низ дворот» (Дети стали беситься во дворе)³¹.

Словообразовательное гнездо «враг» включает также диминутивы *враже* и *врагуле* / *вражуле*, атрибутивные номинации *вражји* и *врагов*, глагол *вража* в значении ‘1. ворожить, гадать 2. ползать, копошиться, шевелиться; шевелить чем-л. 3. болтаться, таскаться’³² [БЕР возводит глагол к *враг*]³³, а от последнего фиксируются *вражалец, вражач* ‘колдун’.

Частотность слов, согласно платформе DRMJ: *ѓвол* 1179, *враг* 6662³⁴.

1.2.2 бес

Развитие семантики слова *бес* имело противоположное направление. Л. Раденкович указывает, что изначально *běsъ был общеславянским наименованием опасного духа. С принятием христианства значение лексемы распространилось на обозначение как дьявола, так и более мелких языческих божеств и их кумиров [Раденковић 2013, 13]. В демонологических исследованиях старославянский *бес* обычно рассматривается как прототип *дьявола* [Вражиновски 1998 1, 231].

²⁸ ГМ.

²⁹ СБНУ 2, 186–187.

³⁰ ТРМЈ II, 33.

³¹ ТРМЈ I, 300.

³² ТРМЈ I, 300; DRMJ.

³³ БЕР 1, 180.

³⁴ Правда, составители электронного словаря не уточняют, каким образом и на каком объеме корпуса подсчитывалась частотность. Указано лишь, что «Корпус представляет собой собрание произведений македонской литературы в оцифрованной форме, выложенных в свободный доступ» [DRMJ].

В XII–XVI вв. именно это значение было главным, что отражено в РЦСЈмр³⁵, в дидактических произведениях: И СЪ ЄЛИКА РАДУЕТ СЕ БЪСЄВЕ ЄГДА СІА ТВОРИМ (Крнинский дамаскин)³⁶:

Словари современного языка³⁷ указывают значение ‘дьявол’ как четвертое после ‘гнев, злора, ярость’, ‘бешенство’ и ‘страсть’, а ЗМ не приводит вовсе. Примечательно, что это значение отсутствует в РМНП³⁸ и в [Макаријоска 2016, 134].

Семантический механизм такого развития значения ‘бес → гнев, ярость, бешенство’ очевиден. Измененное психическое состояние приписывается одержимым бесом (бес вселился). Аналогичное развитие семантики наблюдается и в соседних южнославянских языках, но с иной иерархией значений. В македонском и сербском основное значение – ‘гнев, ярость’, в болгарском – *бяс* ‘бешенство’, диалектное для македонского, в котором стандартная лексема для обозначения болезни *бешило*.

В искомом значении слово обнаруживается в пословицах: «Бес барашие, два си најде» (Получил по заслугам, букв. Черта искал, двух нашел), «Бесот да го истреби» (Побей его черт), в эмоциональном восклицании «За каков бес!» (Какого черта!)³⁹.

1.2.3. сатана/сотона

Наименования *сатана*, *сотона* (последнее приводится только в DRMJ и в РМЈхт с отсылкой на *сатана*) чаще всего выступают как нарицательные существительные мужского рода. Они присоединяют артикль и имеют множественное число: «Сотоната, нога крива гром да му ја сотре, ги потерал пред себе» (Сатана, разрази гром его кривую ногу, погнал их перед собой) [С. Јаневски «Кловнови и луѓе»]; «А овие изрипаа од дупка како сотони од пекол, па, ти си ни кум!» (А эти выпрыгивали из ямы, как черти из ада, и на тебе – ты теперь наш кум!) [В. Иљоски «Чорбаџи Теодос»].

Сатана – заимствование из греч. σατανᾱς из др.-евр. *sāṭān*⁴⁰. В старославянских памятниках оно фиксируется 51 раз. **СОТОНА, -Ы м: ВИДЪХЪ СОТОНЪ** *Л Зо҃р Ма҃р Ас Саѿ*⁴¹. «Ст.-слав. СОТОНА, с.-х. *сotóna*, др.-чеш. *sotona*, словен. *sotona* демонстрируют переход от греч. *a* к слав. *o*; это означает, что они относятся к древнейшему слою славянских заимствований из греческого языка» [Дукова 2015, 200].

Хотя словари указывают мужской род для *сатана* / *сотона*, нередко применяются его употребления в женском роде: «Животот ме научи оти нѣ има секакви. Дури и такви, кои за една копѣјка ќе ѝ го предадат на сатаната и најблискиот свој!» (Жизнь меня научила, что среди нас <людей> всякие есть. Даже такие, что за копейку продадут сатане и самого близкого) [С. Ивановски «Жената на белогвардеецот»].

Разумеется, здесь можно усмотреть влияние грамматической формы (окончание *-а* обычно для существительных ж.р., хотя есть небольшая группа существительных м.р., обозначающих лиц мужского пола, с этим окончанием: *владика*, *муштерија* и т.п.). Но, возможно, это свидетельствует и об амбивалентности гендерной принадлежности персонажа, тем более что в мифопоэтической модели мира в универсальном наборе пар противопоставленных друг другу

³⁵ РЦСЈмр, 530.

³⁶ Крнинский дамаскин 1570–1580, цит. по [Пандев 2020, 166].

³⁷ РМЈхт; ТРМЈ.

³⁸ РМНП 1, 106.

³⁹ ФРМЈ I, 30.

⁴⁰ Фасмер III, 565.

⁴¹ СтслС, 619.

признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значение, признак *женский* входит в негативный комплекс (см. [Топоров 1980, 162]).

Сатана, сотона указываются как синонимы слов *џавол* и *враг*, но их частотность на порядок ниже (в DRMJ ранг для *сатана* 12059, для *сотона* 16402). В текстах разные имена дьявола употребляются как семантически тождественные синонимы:

«— Што сакаш да праиш, бре Адаме? — го прашал *ѓаволо*. / — Сакам да орам, пријателе, и да сеам жито за да јадам, чунки така ме блаосои Госпо коа ме истера — му рекол Адам на *ѓаволот* — Со пот на лицето да си го вадиш лебо! — ми рече. / — Арно ама туа кај што сакаш да ораш, Адаме, земјата е моја, да не те остаам за бадијала да ораш! / Слушајќи тие зборови Адам од *ѓаволот*, си дигна оралото и отиде на друго место да орат, арно ама и тамо му се препречил *сатаната* и не го остаал да ора. Неколку дни исто не го остааше *ѓаволо* Адама да ора, дури не му падна Адам на аман» (— Ты что делать надумал, Адам? — спросил его дьявол. / — Пахать собираюсь, приятель, и жито сеять, на пропитание, так Господь повелел, когда меня выгнал, отвечал Адам дьяволу. — В поте лица будешь добывать хлеб свой! — так Он мне заповедал. / — Да вот только земля, которую ты хочешь пахать, Адам, — моя, так что не трудись понапрасну! / Услышав эти слова, Адам забрал соху и пошел на другое место, но и там встал перед ним сатана и не дал пахать. Так несколько дней дьявол не позволял ему пахать, пока Адам не взвыл) [«Дело Адам и баба Ева истерани од рајот»]⁴².

Вариативное употребление имен дьявола встречаем в пословицах: «Бегал од *ѓаволот*, паднал на врагот / *сатаната*»; «Го оставил *ѓаволот*, па се фатил за *сатаната*» (Из огня да в полымя)⁴³. О сугубо негативной коннотации слова говорит и его семантическая структура. Единственное переносное значение — «сатана, исчадие ада (о злом, коварном, жестоком человеке)», слово используется и как бранное: «Сотони, сотони, поарно в ковчег на гробишта да ме однесете!» (Сатаны, сатаны, лучше в гробу на кладбище меня отнесите) [В. Иљоски «Чорбаџи Теодос»];

В отличие от *џавол* и *враг*, *сатана* не образует диминутивов. У слова небольшое словообразовательное гнездо: *сатански* (прилагательное и наречие), *сатанизира* «сатанизировать, представлять источником зла», *сатанизам*, *сатанист*. *Сотона* производных не имеет, за исключением редкого *сотоняк*, которое, вероятно, заимствовано из сербского и используется как бранное: «Со тебе сотоняк човек не може човечки да зборува» (С тобой, сатаной, невозможно по-человечески разговаривать) [В. Иљоски «Чорбаџи Теодос»].

Усиление негативных коннотаций у этой лексики вполне объяснимо, поскольку слово часто выступает как имя собственное, обозначение верховного сатаны: *Сатана, Сотона, Сатанаил, Атанаил* [Ковилоски 2020, 42]. У М. Цепенкова встречаются и такие свидетельства представлений об иерархии нечистой силы:

«<Детето> Си зело петравило, си зело киската од вардачот и крстот од другою, и застанало спроти порта да види што ќе праи сатаната со *ѓаволите*. / Како дал еден страшен вик сатана по сите *ѓаволи*, и на часо сите дотрчале да видат што мака имат...» (<Мальчик> взял епитрахиль, взял ветку базилика у одного сторожа, а у другого — крест и встал напротив ворот посмотреть, что будут делать сатана и черти. Сатана вскричал страшно, призывая чертей, и в тот же миг они сбежались посмотреть, что за беда с ним приключилась) [«Врзаниот сатана»]⁴⁴

В словаре Л. Макариоской *сатана* со строчной буквы приводится как один из синонимов в статье *ѓавол*, а в отдельной статье «*Сатана ж.*» толкуется как «божество зла и тьмы, владыка всех дьяволов и злых людей, которых он обольщает разными обещаниям» [Макаријоска 2016, 437].

⁴² МЦ 4, 19.

⁴³ БВ, 30; 45.

⁴⁴ МЦ 4, 287.

Рассмотренная номинация является переходной к следующей группе, поскольку может выступать и как нарицательное, и как собственное имя.

1.2.5. шејтан

Многовековой тесный контакт македонцев с мусульманской духовной культурой обусловил заимствование из турецкого в том числе и ряда религиозных терминов, среди которых наименование злого духа в исламе. Чаше всего лексема *шејтан* (тур. *şeytan*, из араб. *šayṭān*) в текстах маркирует иноконфессиональную принадлежность субъекта речи: «Шејтанот не влегува во куќа полна со деца! (курдская поговорка)» (Шайтан не входит в дом, полный детей (курдская поговорка)) [Л. Старова «Балканвавилонци»]; «Мојот еким, оној шејтан Ибраим-ага, ја мачкаше со масла, со ума, ѝ читаше од Коранот <...>» (Мой лекарь, этот шайтан Ибрагим-ага, мазал ее маслами, обмазывал глиной, читал над ней Коран) [О. Николова «Вејби за Ибн Пајко»].

2. Имена собственные

Часть наименований, встречающихся в текстах различного характера, является именами собственными: *Луцифер* (лат. *Lucifer* 'светоносный, несущий свет'), *Еладија*, *Еосфорос* или *Есфорос* (греч. соответствие латинскому названию), *Деница* (слав. соответствие), *Левиатан* (греч. Λεβιάθαν, верховный морской демон) [Ковилоски 2020, 41–42]; *Велзевул*, *Зерзевул*, *Зарзавило* (н.-греч. βεεζεβοὺλ, ζερζεβοὺλς 'предводитель чертей', от др.-евр. *Baal-Zebub* 'повелитель мух', бог-оракул в Экорне) [Дукова 2015, 156], *Асмодей* (греч. Ἀσμοδαῖος из евр. *ʾAšmāḏ'āy* 'искуситель'), *Белзевуб*, *Мефистофел* [Mk.wikipedia.org/wiki/Гавол].

В македонских фольклорных текстах личное имя относится, прежде всего, к падшему ангелу. Это предания, наивные парабиблейские нарративы:

«Коа го назначил Господ Риста над сите ангел и цар, сите кумандири го приимаа и клетва му дадоа за да му бидат верни. Само сераскери **Деница** се измрдал» (Когда назначил Господ Христа над всеми ангелом и царем, все командиры его приняли и принесли присягу на верность. Только сераскир (главнокомандующий в турецкой армии) Денница уклонился) [«Сатаната му се спротивставил на Бога, но Бог страшно го накажал»]⁴⁵.

«Господ го истерал **Зерзевулот** со негоите ангели од рајот и ги проколнал да бидат црни и темни, а седењето да им биде во вечна мука. **Зерзевуло** од вечна мука го гледал рајот и му беше многу мака. Мака му беше и на негоите ангели, и многупати му велеа: — Ах, што стори ти, **Зерзевуле**, што му греши на Господ и не истера од рајот, та не тури во вечнава мука!» (Господ изгна Зерзевула и его ангелов из рая и проклял, чтобы они сделались черными и темными, а домом им был ад. Зерзевул из ада смотрел на рай и было ему очень обидно. Роптали и его ангелы, говоря: — Ах, что ты наделал, Зерзевул, зачем согрешил против Господа, и Он нас выгнал из рая и в ад отправил) [«**Зерзевулот**, коа го истерал Господ од рајот»]⁴⁶.

В сказках же личным именем наделяется предводитель чертей. В следующем тексте одно и то же имя выступает в разных вариантах: *Везевулот*, *Веезевулот*, *Везевуло* (с диалектной формой артикля):

«На ехлата што била до чешмата се збирале сите ѓаоли секоја ноќ и праеле мушавере кој какво зло напраил дента. — Е, ти бре, што зло напраи денска? — му рекол на еден големио ѓаол, **Везевуло**» (На ольхе, что росла возле источника, каждую ночь собирались все черти и ответ держали, кто какое злое дело за день сделал. — Эй ты, какое зло ты сегодня сотворил? — сказал одному <из них> большой дьявол, Вельзевул) [«Ѓаолот што ќе оженеше четириесет кауѓери»]⁴⁷.

Этимологию этих имен (с указанием в качестве источника публикаций М. Цепенкова в СБНУ и дополнений Т. Панчева к словарю Н. Герова) подробно рассматривает У. Дукова, но трактует их и как нарицательные, с чем трудно

⁴⁵ МЦ 4, 7–8.

⁴⁶ СБНУ I, 97; МЦ 4, 219–220.

⁴⁷ СБНУ VIII, 164; МЦ 4, 256.

согласиться: «Велзевул является именем собственным предводителя чертей, оно также стало — особенно с артиклем — нарицательным именем черта» [Дукова 2015, 156]. Материал македонского языка свидетельствует, что рассматриваемая лексема и ее варианты выступают в качестве личного имени конкретного мифологического персонажа — верховного предводителя нечистой силы. В прилепском диалекте с артиклем всегда употребляются прозвища, возможно и такое употребление личных имен. Поэтому, вслед за Л. Раденковичем, мы полагаем, что анализируемые номинации следует трактовать как имена собственные [Раденкович 2013, 59, 64].

Номинацией, занимающей положение между именами собственными и нарицательными, а также переходной к группе эвфемистических наименований, выступает *цацко* (мн. *цацковци*). Лексема приводится в ТРМЈ, DRMJ, ЗМ, в словаре малоупотребительных слов Белчева⁴⁸, а также в диалектном словаре демихисарского говора, где приведен пример: «Тој цацко те боди со рогојте криви!» (Это черт тебя рогами кривыми бодает), т.е. провоцирует, подстрекает⁴⁹. Слово встречается в публицистических и художественных текстах: «Од каде идеш? - Од Маврово. — Од Маврово? Што цацко си барал во Маврово» (Откуда ты идешь? — Из Маврово. — Из Маврово? Какого черта ты делал в Маврово?) [Д. Солев «Синовски татковци»].

Лексема также используется в рамках фразеологических оборотов: «Ме дупнал цацко» (Черт меня дернул), «Му влегол цацко» (В него черт вселился), «Кој цацко те тераше?» (Какой черт тебя дернул?)⁵⁰ (ср. выше аналогичные выражения с лексемами *џавол / бес / враг*).

Мы полагаем, что происхождение этой номинации, в современном языке воспринимаемой как имя нарицательное, — эвфемистическая подстановка распространенной гипокористики, зафиксированной в словарях личных имен:

Цацко, изведено од Цац(о) + -ко.

Цацо, од *Александар, Славко, Станко, Стојан, Цветан* итн., XVII-XVIII век⁵¹.

Использование личных имен в качестве замены табуированных (опасных или неприличных) лексем — известное и описанное в лингвистической литературе явление. На материале имен нечистой силы см., например [Раденкович 2013].

3.1. Эвфемистические наименования, основанные на свойствах

Основным источником разнообразных номинаций является эвфемизация, обусловленная магической функцией языка, верой в то, что произнесение имени может привлечь носителя имени: «Да не чуе џаволот!» (Как бы не услышал дьявол!). «Общей чертой отношения к слову как к магической силе является неконвенциональная трактовка языкового знака, т.е. представление о том, что слово — это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть, поэтому, например, произнесение ритуального имени может вызывать присутствие того, кто им назван». «Табуированные слова заменялись эвфемизмами, но и они вскоре табуировались и заменялись новыми эвфемизмами» [Мечковская 1998, 42, 63].

Христианские и околехристианские предания способствовали закреплению в языке эвфемизмов, таких как *Антихрист, итрец, поганец, лукавиот, нечестивиот* [Вражиновски 1998 1, 232]. В текстах эти эвфемизмы могут использоваться как имена собственные.

⁴⁸ Белчев, 194.

⁴⁹ ДГ, 746.

⁵⁰ DRMJ.

⁵¹ Станковска, 294.

3.2. Эвфемистические наименования, мотивированные внешним видом

В работе, посвященной демоническим существам, Н.И. Толстой перечисляет виды внешнего облика «нечистиков»: антропоморфный, зооморфный, «нулевоморфный», или бесплотный, а также смешанный антропозооморфный. Последний, по наблюдениям исследователей, существенно преобладает в «книжном» представлении и, скорее всего, был усвоен в достаточно поздний период вместе с христианской религией [Толстой 1995, 252, 261; Успенский 2012, 17].

В македонских народных верованиях, отраженных в иконографической и книжной традиции, черт предстает в антропо-зооморфном облике. Так, в описании иконы св. Марины XVIII в. из известной Охридской коллекции икон⁵² читаем:

«Отворената муцка, во која има два реда заби и долг, црвен јазик, е издолжена, а носот е во вид на сурла и извиен нагоре. Над зашилените уши има кафеаво-сиви рогови, а на задната страна на телото кратка опашка. Околу вратот има синцир со златна боја, со кој му се врзани и рацете и нозете» (Вытянутая пасть с двумя рядами зубов и длинным красным языком разинута, нос в виде хобота изогнут вверх. Над заостренными ушами буровато-серые рожки, на задней части туловища короткий хвост. От шеи спускается изображенная позолотой цепь, которой связаны руки и ноги) [Георгиевски 1999, 100].

Церковная книжная и иконографическая традиция повлияла на народные атрибуты, широко представленные в македонском материале. В качестве номинаций нечистого используются субстантиваты *рогатиот* ‘рогатый’, *куциот* ‘коротышка’, *куциот* ‘хромой’, *едноногиот* ‘одноногий’, *црвениот* ‘красный’, *караџоз* ‘черноглазый’ (от тюр. *kara* ‘черный’ и *göz* ‘глаз’) и др. Материал македонских сказок, христианских легенд, быличек свидетельствует о многочисленных примерах такого варианта эвфемизации.

Несколько довольно частотных субстантиватов указывают на ущербность конечностей черта или отсутствие одной из них: *кривиот*, *куциот* ‘хромой’, *едноногиот* ‘одноногий’: «И ваа песја ќерка и магарица, каде не кршила глава, каде не ѓопала, и а донесе тој едноногиот во нашата куќа» (И вот эта сучья дочка и ослица, где только не моталась, где не шастала, а вот принес же *одноногий* к нам в дом) [С. Попов «Крпен живот»].

К. Шапкарев воспроизводит охридскую сказку, записанную от отца в 1855–1861 гг., своеобразно объясняющая происхождение номинаций:

«Кога Господ създаал светов и чоекот дялот му се пофалил, оти и той можел да създайт чоек. По бже посаквенье дялот създад едно създание; ама тоа не било чоек, а волк; го създад туку бездушен; душа не можел да му дайт, та се чудел како да го оживит и го опитал господа: “Ами сеа да му даам душа?” Господ му рекол: “Тоа ѝе лесна работа; доста ѝе само да му речиш: ‘Стани, изеди ме!’ и на часот той ќе оживит.” Дялот по божето поучвенье рекол на бездушнийот волк: “Стани, изеди ме!” Волкот на часот се сторил со душа, — оживел, станал и се спушчил врз създателя си дялото, за да го изейт. Дялот се уплашил и, от страх да не го изейт, за да откинит, се фрлил во бльжната тамо река: ама одвай шчо привтасал да влезит во реката само со едната си нога, волкот го грабнал за другата и му я изел, та така дялот останал со една нога. От тоа и ден денеска останало да велиме за дялот “Едноногийот” или “Куцийот”; от тоа и со изречението: “изел го волкот”, разбираме дялото, от тоа истийот се викат и “Подводнийот” или “Воднийот”» (Когда Господ создавал мир и человека, дьявол похвалился, что и он может создать человека. По Божьему велению дьявол создал одну тварь; но это был не человек, а волк; и не было у него души; душой не мог наделить его дьявол, и недоумевал он, как же вдохнуть душу, и спросил он Господа: «Как мне теперь ему дать душу?» Господь ответил: «Проще простого, всего лишь скажи: ‘Встань и съешь меня!’ И он тотчас оживет». Дьявол по Божьему наущению сказал бездушному волку: «Встань и съешь меня!» Волк в тот же миг обрел душу, ожил, встал и бросился на

⁵² https://ru.wikipedia.org/wiki/Марина_Антиохийская#/media/Файл:St._Marina_killing_the_devil,_around_1711,_Icon_Gallery-Ohrid_2.jpg

своего создателя дьявола, чтобы съесть его. Дьявол испугался и со страху бросился в реку, что была недалеко. Но едва добежал до воды и ступил одной ногой, волк цапнул его за другую и откусил ее. Так дьявол и остался одноногим. С тех пор мы и говорим про дьявола «одноногий» или «хромой»; отсюда же и выражение: «чтоб его волк задрал», тут мы разумеем дьявола; оттого же его еще называют «подводный» или «водный»⁵³.

Несколько субстантивированных прилагательных, обозначающих дьявола, связаны с цветом. Наряду с распространенными представлениями о черном цвете кожи (ср. регулярный эпитет *црн џавол*⁵⁴, а также номинации *темниот*, *црнобог*, *караџоз* (от тур. *kara* ‘черный’)), в народных поверьях встречаются упоминания о красном цвете глаз или красном элементе одежды. Красный цвет присутствует в образе многих славянских мифологических персонажей (ср. у сербов Баната о черте говорят диал. серб. *онај са црвеним капом* ‘тот, в красной шапке’, *онај са црвеним чакиширама* ‘тот, в красных штанах’, диал. серб. *онеј червени с розимами* ‘тот, с красными рогами’, *онеј у червени цол(ил)а* ‘тот, в красном платье’) [Белова 1999, 647–651; Раденкович 2011, 95]. Л. Раденкович отмечал, что красный цвет выделяет существо потустороннего мира в ряду живых, указывает на его связь с опасностью и смертью [Раденкович 2011, 97].

3.3. Эвфемистические наименования, восходящие к обережным формулам

3.3.1. натемаго

Среди славянских эвфемистических наименований нечистого отмечают сращения, образованные от формул оберега: «рус. костром. *упасибог*; укр. *він пропав би*, укр. гуцул. *бий го божя сила*, *щезби* [исчез бы]; серб. *будибогснама* [Березович, Виноградова 2012, 519]. Такая модель номинации представлена и в македонском языке. Одним из эвфемизмов—сращений междометных формул является *натемаго*.

«Еднаш беше ѝ влегол натемаго (џаоло) во срцето и — што ќе му напраит? Купила отруачка и ме-сила едно кравајче убао и кога дошол питачот, му го дала за да го отрует» (Однажды дьявол вселился в ее сердце и — что же она удумала? Купила яду, замесила пышный каравай и, когда пришел нищий, дала ему, чтобы отравить) [«Мајката што си отру сина си»]⁵⁵;

«Детето је рекло: „мајко, ја се научиш многу науки и марифети, туку се препрааф као небаре неможа да се науча, оти даскалот, тој што ме зеде, беше Натемаго (џаолот)» (Мальчик ей сказал: «Мама, много знаний и умений я приобрел, но притворялся, будто не могу ничему научиться, потому что учитель, тот, что меня взял, был дьявол») [«Ѓаолот даскал», кичевский говор]⁵⁶.

Поскольку вышеприведенная сказка печаталась в Софии, К. Шапкарев почитал необходимым дать сноску: «Натемаго, гръц. рѣчь = проклетъ да е. Тази фраза употрѣбавать отъ омраза къмъ диавола, когато искать да кажътъ нѣщо за него, а нерачътъ да го споменътъ по име» (Натемаго, греч. слово = будь проклят. Эту фразу употребляют из ненависти к дьяволу, когда хотят что-то сказать о нем, но не хотят упоминать его имя).

Междометие *натема* (< *цсл.* (А)НАТЕМА < *греч.* ἀνάθεμα / ἀνάθημα ‘анафема, проклятие’)⁵⁷, в отличие от *анатема*, употребляющегося в религиозном контексте, используется как бранное. Оно может сопровождаться краткой формой личного местоимения для прямого объекта (*ме, те, го* и т.д.): «— А, мори, ти не разбираш? Не свинско! Шо ќе пражш со толку месо? — Ај, натема ме, заборајф за свинско оту не треба» (Ты что, не понимаешь? Нельзя свинину!

⁵³ Шапкарев 1892.

⁵⁴ РМНП II, 216.

⁵⁵ МЦ 5, 313.

⁵⁶ Шапкарев, СБНУ II, 1890, 186.

⁵⁷ РЦСЈмр, 266–267.

Что ты будешь делать с таким количеством мяса? – Ай, чтоб меня, забыла, что нельзя свинину) [М. Ристевска Селчанец «Гена»].

Народная проза и художественные тексты, отражающие сельский быт и обычаи, наглядно демонстрируют механизм превращения формулы в наименование. Лексема *ѓвол* очень часто сопровождается проклятием *натема* или *натема го*:

«Во старо време имало еден чоек што го колнеше и го караше ѓаолот, еве како. Што-год да сработеше, без дури не го проколнеше, не беше чаре. Ако му паднеш нешто од рака наземи, веднаш ќе даеше вик: / - Ај, натема, ѓаоле, натема! – Ќе добиеш нешто, пак ќе го проколнеш и ќе рече: / - Ај натема, ѓаоле, пукна ѓаолот, добив толку пари! / И така немаше збор али арен, али лош, што да не го проколи и да него го окара (опцуе) ѓаолот» (В старые времена жил человек, который все время клял и ругал дьявола, и вот как. Что бы он ни сделал, не бывало такого, чтобы он его не проклял. Упадет у него что-либо – «Будь ты проклят, дьявол, будь проклят!» А если прибыль какая, и тогда бранится, приговаривает: «Будь ты проклят, дьявол, чтоб ты лопнул, дьявол, вон я сколько денег получил!» Не бывало у него речи ни плохой, ни хорошей без того, чтобы не проклясть и не побранить дьявола) [«Чоекот што го караше и колнеше ѓаолот»]⁵⁸.

«Така велејќим и плачејќим сиромажот, го чу ѓаол, натемаго, му се преставил пред него и му рече кол...» (Когда бедняк плакал и причитал, услышал его дьявол, будь он проклят / анафема ему, и сказал...) [«Еден чоек што потпишал под ѓаола да се обогатит»]⁵⁹.

«Еден маж и една жена си живееле многу арно, како што сакал Господ; на живејачката згора секој му заблазувал и му повалувал дека толку се милува мажот и жената. Ѓаол, натемаго, му завидел, та му удрил по траго за некако да 'и скарат» (Одна супружеская чета жила в большом согласии, как заповедал Господ; и все восхищались и хвалили их, что они так любят друг друга. Дьявол, будь он проклят / анафема ему, позавидовал им и стал искать способ их поссорить) [«Ѓаоло и бабата, мажо и жената»]⁶⁰.

На втором этапе оформления эвфемизма номинация персонажа перестает упоминаться, заменяясь местоимениями *тој* 'он, этот', *оној* (диал. *онај*) 'тот', после чего следует *натемаго*:

«– Влезе тој натемаго во ниј, ќе а пустат куката, – рече Стојо еден ден кога пак се повторија кавгите меѓу Митра и Доста и се обиде некако со притисок да ја замазни кавгата» (– Этот самый, будь он проклят, к нам повадилсја, погубит он наш дом, – сказал как-то раз Стой, когда Митра и Доста снова принялись ругаться, и постарался замять ссору) [С. Попов «Крпен живот». Персонажи говорят на марийском диалекте].

«Што ми се криви луѓето, а и Јон не ми е крив. Може и тој не сака така, ама нешто го тера, го турка Тој натемаго» (В чем люди виноваты передо мной, да и Йон тоже не виноват. Может, он и не хочет так поступать, но что-то заставляет его, толкает его этот, что б его / окаянный) [Петре М. Андреевски «Пиреј»].

В такой комбинации *натемаго* уже на полпути к субстантивации, оно может восприниматься как приложение. Об этом свидетельствует приведенный ниже пост одной из участниц обсуждения темы *Луцифер* на форуме, посвященном вопросам религии (орфография автора сохраняется):

«Старите на времето не сакале ни името да му го спомнат. Баба ми кога требаше за него нешто да спомне ке рече - Леле колку е лош, изгледа му влегол ОНАЈ никаквион, или, Леле се испокараа меѓу себе, изгледа ОНАЈ НАТЕМАГО ги набуцка. А ние како деца прашувавме - Кој е тој бабо НАТЕМАГО?» (В былые времена старые люди не хотели даже имени его произносить. Бабушка, когда ей нужно было его помянуть, говорила: Ой-ой-ой, до чего плохой человек, видать в него вошел ТОТ негодный, или: Ой-ой-ой, вконец разругались, видно, ТОТ БУДЬОНПРОКЛЯТ, их настрополил. А мы, дети, спрашиваем: Кто этот, бабушка, БУДЬОНПРОКЛЯТ?) [Milenko.com.mk].

На следующем этапе утрачивается и местоимение, *натема* становится нарицательным существительным, которое может присоединять артикль: «Го

⁵⁸ МЦ 2, 135.

⁵⁹ МЦ 2, 131.

⁶⁰ МЦ 2, 136.

слушаа луѓето, а потоа ги грабнаа стаповите и пак го претепаа. - Ти си џаволот! Ти со натемагот! - му рекоа» (Люди слушали его, а потом схватили палки и снова избили. - Ты дьявол! Ты окаянный!) [Ј. Стрезовски «Свето проклето»].

Лексема *натемаго* как существительное м. р. зафиксировано в словарях⁶¹. З. Мурговский снабжает ее пометой «архаичное», однако слово до сих пор остается в живом употреблении и фиксировалось в записях этнолингвистических экспедиций в Северную Македонию (2022). Как яркая и эмоциональная, лексема используется в медиах, ср. заголовки: «У. — адвокат на натемаго» [И. Антоновски, Fama.mk 20.02.2013]; «Натемаго во македонското Сен Тропе» [Љ. Костовски «Глобус» 15.05.2012].

Возможна и суффиксальная деривация от междометия *натема*. В четырехязычном словаре Г. Пулевского в качестве синонима к *антихрисъ* приводится *натемникъ* [Пулевски 1873]. Эта единица обнаруживается и в словарях литературного языка с толкованием «џавол, сатана»⁶².

Показательно, что в арумынском языке, распространенном на территории Македонии, фиксируется лексема *nafimat* «проклятый; дьявол» [Димчев, 362]. Одной из отличительных черт арумынского вокализма является протеза гласного *a* перед согласными, форма *nafimat* без инициального гласного (ср. греч. ἀνάθεμα, мак. *анатема*) свидетельствует не только о влиянии македонского языка, но и о широкой употребительности лексемы *натема* в последнем.

3.3.2. даескраја

Образованная по той же модели, номинация *даескраја* (также с прописной буквы), в отличие от *натемаго*, не зафиксирована ни в одном словаре. Между тем она, хотя и гораздо реже, встречается в текстах:

«Пак, како што рекоа жените, Весела вечерва му го дупна мевцето на десното уше на рулчето за по крштевањето, откога Зарче ќе ја узнае првата буква на името негово и ќе ја вреже, да му го воврат обетчето и тоа ќе го заштитувало од тој Даескрајата што со умирачи се настрвил на кукава» (Как и посоветовали женщины, Весела (имя) с вечера проколола младенчику мочку правого уха, чтобы после крещения, когда Зарче будет знать первую букву имени и вырежет ее на сережке, сразу вдеть ее в ушко — сережка защитит от того, чур его, который смертями навис над домом). [В. Малески «Разбој»].

Пример демонстрирует тип употребления, сходный с употреблением *натемаго*: в сочетании с местоимением, замещающим имя персонажа, которое говорящий избегает произносить. Причем наличие артикля свидетельствует, что *Даескрајата* / *скрајата* — это уже не осторожная формула, а существительное в роли приложения, как мы и трактовали подобные употребления в предыдущей рубрике. Тем не менее, семантика двух номинаций различна, в силу различия интенций исходных высказываний. *Натемаго* — формула проклятия, отвержения, выражение неприятия, ненависти, по определению К. Шапкарева, т.е. сознательная позиция, активное противодействие говорящего. При этом упоминание Всевышнего часто сопровождается славословием: «Господ, сполај му» (из греч. εἰς πολλὰ ἔτη исполать / слава Ему).

Формула пассивного оберега «Да е скраја / Скраја да е» (пусть это будет далеко от меня / пусть это обойдет меня стороной) — стремление уберечься от вредоносных, опасных явлений, попытка словом предотвратить ущерб, отогнать зло: «Скраја да е вашата лоша мисла! Рада е и жива и здрава» (Пусть не сбудется ваша плохая мысль! Рада жива и здорова) [С. Арсиќ «Последната алка»]. По-русски мы сказали бы здесь: «Боже упаси!» или же «Типун тебе на

⁶¹ ЗМ+, 723; DRMJ; РДХГ, 348.

⁶² РМЈсхт I, 469; ТРМЈ III, 301; DRMJ.

язык». Это же выражение в качестве оберега используется при упоминании смерти или имени вредоносных духов:

«Рекла: Јас дојдов за маж, а не, скраја да е, за... ѓавол...» (Сказала: я пришла за мужем, а не за... что б его... за... дьяволом...) [Ј. Стрезовски «Злодобро»];
«<...> Госпoде, направи да е **скраја** и далеку Тој **Натемаго**. Да биде подалеку од него. — **Да е скраја** и далеку — рече Никoдин Углешоски. — Ама ете тој е во него» (Госпoди, сделай так, чтобы стороной обойти Этого, чур его. Чтобы был дальше от него. — Что б его, - сказал Никoдин Углешоски, — Однако вот он и в нем) [Петре М. Андеевски «Неверни години»].

Выводы

В македонском языке функционирует не менее 30 наименований злокозненного духа, дьявола. Большинство из них является эвфемизмами вследствие табу на упоминания опасной сущности — «охранительного иносказания» (формулировка О.Н. Трубачева).

Универсальным для обозначения дьявола стало давно освоенное заимствование из греческого — *ѓавол*, имеющее самое широкое употребление и наибольшее количество дериватов. Славянские лексемы *враг*, *бес* и заимствованное *сатана* / *сотона* гораздо менее частотны. *Бес* и *враг* претерпели семантическое развитие с противоположным вектором. Обозначение вредоносной сущности отошло на периферию семантической структуры у *бес* (при основном значении ‘гнев’), а у *враг* стало основным (при маргинализации значения ‘недруг’).

Имена собственные (*Асмодеј*, *Еладија*, *Еосфорос*, *Левиатан*, *Мefистofел* и др.), как и нарицательное *демон*, имеют книжное происхождение, их употребление ограничивается специализированными текстами. Ряд имен (*Велзевул*, *Зерзевул*, *Зарзавило*, *Луцифер*, *Деница* и нек. др.) встречаются в произведениях, отражающих наивную картину мира. Эти лексемы именуют падшего ангела в парабиблейских нарративах, а в сказках — предводителя или отца подчиненных и подотчетных ему дьяволов (*ѓаволи*).

Эвфемизмы содержат характеристику персонажа, оценку его качеств, выражают негативное отношение к нему: *Антихрист*, *поганец*, *лукавиот*, *нечестивиот*, *итрец*. Подобные наименования дают представление об облике персонажа: *едноногиот*, *кривиот*, *куциот*, *караѓоз*, *рогатиот*, *темниот*, *црвениот*. Номинации, в основе которых лежат формулы отречения и оберега (*натемаго*, *натемник*, *даескраја*), отражают речевое поведение македонцев при обращении с опасным словом. Сращивание таких формул пополняет демононимикон, и эти новообразования могут в дальнейшем заимствоваться контактными языками (арум. *nařimat*).

Наименования дьявола, имеющие книжное происхождение, часто восходят к заимствованиям из греческого или через его посредство (*ѓавол*, *сатана*, *демон*, *Еладија*, *Деница*, *Левиатан* и др.). В то же время среди народных обозначений нечистого духа есть и тюркизмы (*караѓоз*, *шејтан*), пришедшие из разговорного турецкого, который был языком власти на протяжении пяти веков македонской истории.

Признаки сложной природы образа исследуемого персонажа, являющегося в македонской народной культуре, как, впрочем, и в других славянских, гетерогенным по своему происхождению, объединяющим «признаки высокой (книжной) и низкой (народной) культуры» [Успенский 2012, 17], обнаруживается и в номинациях. В литературе отмечается, что *ѓавол* может относиться к разным демоническим существам [Вражиновски 1998 2, 232], например, *водниот*, *подводниот* и зафиксированный в РМНП⁶³ эпитет *воден ѓавол* характеризуют сущность по месту обитания. Подобные наименования демонстрируют

⁶³ РМНП II, 216.

соединение христианского термина с языческими представлениями о вездесущей нечистой силе, что характерно для ситуации двоеверия, сложившейся в славянских странах со Средневековья.

Анализ материала словарей и самых разнообразных текстов приводит к мысли, что рассматриваемые демононимы используются как имена разнообразных мифологических персонажей. Это может быть и князь тьмы, падший ангел, и мелкий шаловливый бес, в разной степени недружественный к людям, и коварный искуситель, и иррациональная враждебная сила, подчиняющая человека, и персонификация мирового зла и несчастья.

Едва ли возможно привести исчерпывающий список всех наименований дьявола в македонском языке, поскольку эвфемистические замены, в свою очередь, подвергаются табуизации и заменяются новыми наименованиями, зачастую локальными, окказиональными, авторскими. Так, в стихотворении известного македонского писателя и переводчика Д. Михайловского «Скок со стап» наряду с рассмотренными выше среди прозвищ (*прекари*) нечистого перечислены и *накот* (результат окота, помёт), и не употребляющиеся в узусе восточнославянский *черт* и аромунский *drac*:

Ѓавол Сатана Црнобог
и сите прекари
враг врагуле врагулина
анатемник натемник натема
кусиот куциот накот
наол нечестив скрајата
цацко чрт драк
шејтан

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

БВ – *Величковски Б.* Македонски пословици и поговорки. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2009. 301 с.

Белчев – *Белчев Т.* Речник на турцизми, архаизми, дијалектизми и ретко употребувани зборови во македонскиот јазик [Електронски извор] / Толе Белчев. - Текст во PDF формат, содржи 218 стр. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», Филолошки факултет, 2016.

БЕР – Български етимологичен речник / съст.: В.И. Георгиев; съст.: [и др.], Българска акад. на науките, Ин-т за български език. Въ 7 т. София, 1971–2012. <https://ibl.bas.bg/ber/>

Димчев – *Димчев Д.* Влашко-македонски речник. Скопје, 2006. С. 362.

ГМ – сайт проф. д-р Георге Гоце Митревски <https://pelister.org/> Адрес конкорданса пословиц: <https://pelister.org/folklore/proverbs/concordance>

ДГ – *Цветковски Р. П., Стефановски Б.* Речник на демирхисарскиот говор. Скопје: Академски печат, 2008.

ЗМ – *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. 948 с.

ЗМ+ – *Мургоски З.* Толковен речник на современиот македонски јазик. Скопје, 2011. 1498 с.

ЛпТКО – Лексиката во поетските творби на Климент Охридски / стоја Поп-Атанасова, Весна Костовска. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2005. 361 с.

МЦ – *Цепенков М.К.* Македонски народни умотворби во десет книги / редактирал д-р Кирил Пенушлиски. Кн. 2. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. 418 с.; Кн. 4. Народни приказни. Легенди. Скопје: Македонска книга, 1972. 292 с.; Кн. 5. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. 366 с.; Кн. 8. Пословици, поговорки, гатанки, клетви и благослови. Скопје: Македонска книга, 341 с.

Пандев – *Пандев Д.* Македонска хрестоматија. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2020. 323 с.

Пулевски – Речник от четири љезика. I, Српско-Албански, II Арбански-Арнаутски. III Турски. IV Гръцки. Скроена и написана от Ђорѓа М. Пулевски, архитекта у Галичник окружие дибранско 1872 година. I-ва част. Београд, штампарија Н. Стефановича и дружине. 1873.

- РМЈсхт – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I: А–Н, Скопје, 1961. 510 с. Т. II: О–П, Скопје, 1965. 595 с. Т. III. Р–Ш, Скопје, 1966. 606 с.
- РМНП – Речник на македонската народна поезија / под редакција на Т. Димитровски. Скопје. Т. 1 (А–Г). Скопје, 1983, XXIII, 452 с. Т. 2 (Д–С). Скопје, 1987. 506 с. Т. 3 (И–К). 1993. Скопје, 529 с. Т. 4 (Л–М). 2001. Скопје, 379 с.
- РЦСЈмр – Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција. Т. 1. Вовед. А–Б / [главен уредник Зденка Рибарова; редакција Лилјана Макаријоска, Зденка Рибарова, Радмила Угринова-Скаловска]. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», Одделение за историја на македонскиот јазик, 2006. 543 с.
- РП – Речник на презимњата кај Македонците / ред. Т. Стаматоски, М. Коробар-Белчева, О. Иванова, М. Митков. Скопје, 1994. Т. 3 (М–Ш). 768 с.
- ТРМЈ – Толковен речник на македонскиот јазик / Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Т. 1 (А–Ж). 2003. XXI, 637 с.; Т. 2 (З–К). 2005. 675 с.; Т. 3 (Л–О). 2006. 613 с.; Т. 4 (П). 2008. 680 с.; Т. 5 (Р–С). 2011. 623 с.; Т. 6 (Т–Ш). 2014. 572 с. Електронна версија: <https://makedonski.gov.mk/corpus/l/bes-m>
- СБНУ – Сборник от български народни умотворения / съст. Кузман Шапкарев. Т. 1–6 (в 9 кн.). София, 1891–1892; 2 изд. В 4 тома. София, 1968–1973. URL: https://liternet.bg/folklor/sbornici/shapkarev_2/content.htm; URL: http://macedonia.kroraina.com/sbnu/sbnu_index.htm (Дата обращения: 08.04.2023).
- Станковска – Станковска Љ. Речник на личните имиња кај Македонците. Скопје: Автор, 1992. 480 с.
- СтелС – Старолавянский словарь (по рукописам X–XI вв.) Ок. 10000 сл. ю ред. Р.М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ФРМЈ – Димитровски Т., Ширилов Т. Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Т. 1 (А–Ј). Скопје, 2003. 433с.
- Шапкарев – Шапкарев К. Избрани дела. Т. 5. Приказни. Приредил Томе Саздов. Скопје: Мисла, 1976; Шапкарев К. Сборник от български народни умотворения, кн. VIII, София: Печатница на «Либералний Клубъ», 1892. http://www.promacedonia.org/ksh_4/index.html
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праославянский лексический фонд. Вып. 2. *bez–*bratъ / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.; Вып. 4. *čaběnitī–*děl’a / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. 235 с.
- DRMJ – Дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <http://drmj.eu> (дата обращения: 08.04.2023).
- Skok – Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Uredili akademici M. Deanović i L. Jónké. Knj. 1–3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972–1973.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С. Сатана // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 412–414.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М.: Русские словари, 1995. 560 с.
- Белова О.В. Красный цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 (Д–К). С. 647–651.
- Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 519–527.
- Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80-х – 90х гг. XX века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2019. С. 460–701.
- Вражиновски Т. Народна митологија на Македонците. Во 2 тома. Скопје: Матица Македонска; Прилеп: Институт за старословенска култура, 1998.
- Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. 248 с.

- Ковилоски С. Претставите на пеколот и на ѓаволот во македонскиот фолклор од XIX век // Спектар, год. XXXVIII, бр. 75. Скопје, 2020. С. 37–55. URL: https://iml.edu.mk/wp-content/uploads/2013/04/Spektar_75.pdf (дата обращения: 08.04.2023).
- Крчовски Ј. Собрани текстови / Приредил Б. Конески. Скопје: Македонска книга, 1974. 400 с. *Опугина*: Слово исказаное заради оумирање. Вь Будинѣ градѣ, 1914.
- Макаријоска Л. Речник на македонската традиционална култура. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2016. 562 с.
- Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
- Пейчинович К. Книга сия зовома Огледало. Будапешта, 1816.
- Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей истории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
- Раденкович Л. *Красный цвет* в погребальной обрядности и народной демонологии славян // Балканский спектр: от света к цвету (Балканские чтения 11. Тезисы и материалы) / редкол. М.М. Макаревич, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: ПРОБЕЛ 2000, 2011. С. 94–99.
- Раденкович Л. Личные имена мифологических существ // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 59–72.
- Раденковић Љ. Словенска народна демонологија на синхроним и дијахроним плану // Зборник Матице српске за славистику. Св. 83. Нови Сад, 2013. С. 9–23.
- Раденкович Л. Черт и/или межевой. Наименование беса «черт» у славян. *Wiener Slawistisches Jahrbuch (Neue Folge)* 2, 2014. С. 152–162.
- Толстой Н.И. Каков облик дьявольский? // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 250–269.
- Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 161–166.
- Успенский Б.А. Облик черта и его речевое поведение // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Вып. 1 / сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2012. С. 17–65.
- Чундева Н. Русизмите во македонскиот литературен јазик. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Руски центар, 2017. 290 с.

Рукопись поступила в редакцию 25.04.2024

Рукопись принята к печати 08.05.2024

REFERENCES

- Apresian Yu.D. *Izbrannyje trudy. T. 2. Integral'noye opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, 767 p. (In Russ.)
- Apresian Yu. D., Boguslavskaya O.Yu., Levontina I.B., Uryson Ye.V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Prospekt. Moscow, Russkie slovari Publ., 1995, 560 p. (In Russ.)
- Averintsev S.S. Satana. [Satan]. *Mify narodov mira*. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1992, v. 2, pp. 412–414. (In Russ.)
- Belova O.V. Krasnyi tsvet. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar*, ed. N.I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenia Publ., 1999, v. 2, pp. 647–651. (In Russ.)
- Berezovich Ye.L., Vinogradova L.N. Chyort. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenia Publ., 2012, v. 5, pp. 519–527. (In Russ.)
- Čundeva N. *Rusizmite vo makedonskiot literaturnen jazik*. Skopje, Univerzitet «Sv. Kiril i Metodij»; Ruski centar, 2017, 290 p. (In Mac.)
- Dukova U. *Naimenovania demonov v bolgarskom yazyke*. Moscow, Indrik Publ., 2015, 248 p. (In Russ.)
- Koviloski S. Preretstavite na pekolot i na đjavalot vo makedonskiot folklor od 19 vek. *Spektar*, XXXVIII, no. 75. Skopje, 2020, pp. 37–55. URL: https://iml.edu.mk/wp-content/uploads/2013/04/Spektar_75.pdf (In Mac.)
- Krčovski J. Sobrani tekstovi. Priredil B.Koneski. Skopje, Makedonska kniga, 1974. 400 p. Original: Slovo iskazanoe zaradi umiranje. V Budine grade, 1914. (In Mac.)
- Makarijoska L. *Rečnik na makedonskata tradicionalna kultura*. Skopje, Institut za makedonski jazik «Krstе Misirkov» Publ., 2016, 562 p. (In Mac.)
- Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religia. Leksii po filologii i istorii religii*. Moscow, FAIR Publ., 1998, 352 p. (In Russ.)
- Pejčinovič K. *Kniga siia zovomaia Ogledalo*. Budapešta, 1816. (In Mac.)
- Permyakov G.L. *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchei istorii klishe)*. Moscow, Nauka Publ., 1970, 240 p. (In Russ.)

- Radenković Lj. *Krasnyi tsvet v pogrebal'noi obriadnosti i narodnoi demonologii slavian. Balkanskii spektr: ot sveta k tsvetu (Balkanskije chteniia 11. Tezisy i materialy)*, eds. M.M. Makartsev, I.A. Sedakova, T.V. Tsiv'ian. Moscow, PROBEL 2000, 2011, p. 94–99. (In Russ.)
- Radenković Lj. Lichnye imena mifologicheskikh sushchestv. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiiu akademika Nikity Il'yicha Tolstogo*, ed. S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2013, p. 59–72. (In Russ.)
- Radenković Lj. Slovenska narodna demonologija na sinhronom i dijahronom planu. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, sv. 83. 2013, Novi Sad, pp. 9–23. (In Serb.)
- Tolstoi N.I. Kakov oblik d'iavol'skii? *Yazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, 1995, p. 250–269. (In Russ.)
- Toporov V.N. Model' mira (mifopoeticheskaya). *Mify narodov mira: Entsiklopediia*, v. 2. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, pp. 161–166. (In Russ.)
- Uspenskii B.A. Oblik cherta i ego rechevoe povedenie. In *Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema*, no. 1, ed. D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, 2012, p. 17–65. (In Russ.)
- Vinogradova L.N., Levkijevskaia Ye.Ye. *Narodnaia demonologiya Poles'ia: Publikatsiia tekstov v zapisiakh 80-kh – 90-kh gg. 20 veka. T. 4: Dukhi domashnego i prirodnogo prostranstva. Nelokalizirovannyye personazhi*. Moscow, 2019, p. 460–701. (In Russ.)
- Vražinovski T. *Narodna mitologija na Makedoncite*, kn. 1. Skopje, Matica Makedonska Publ.; Prilep, Institut za staroslovenska kultura Publ., 1998, 352 p. (In Mac.)

Received on 25.04.2024

Accepted on 08.05.2024

Информация об авторе:**Верижникова Елена Владимировна**

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: eluska@mail.ru

Чиварзина Александра Игоревна

кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Information about the author:**Elena V. Verizhnikova**

PhD (Philology),
Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
E-mail: eluska@mail.ru

Alexandra I. Chivarzina

PhD (Philology),
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru